СОЦИОГУМАНИЗМ КАК ИСКАЖАЮЩИЙ ДИСКУРС О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЖИВАНИИ ЧЕЛОВЕКА/ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТЬ — ОСНОВАНИЕ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(часть первая)

Г. В. Задорожный

д. э. н., профессор, академик Академии экономических наук Украины,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Проблема социогуманизма как некой панацеи оздоровления будущего человечества становится полем наукоподобных рассуждений, якобы представляющей новую научную парадигму. По мнению социогуманистов, эволюционная перспектива мира связана именно с социогуманизмом, который трактуется «как гармоническое разрешение противоположности капитализм-социализм. При этом от социализма берется цель — гармоничное развитие человека, а от капитализма способ реализации цели — регулируемый рынок. Экономика перестает быть целью, а становится средством гармоничного (но не свободного!) развития человека. Сущность социогуманитарного перехода: от общества потребления — к обществу социального гуманизма, от «человека социального» — к «человеку социально-духовному», от социального — к социогуманитарному государству» [1].

Для начала следует обратиться к понятийной научной трактовке слов «социо» и «гуманизм», ибо если четко не определить их смысл и содержание, то опять в который раз все сведется к обыденно-поверхностному словоупотреблению, которое, якобы, понятно каждому без глубокого анализа и выявления истинного их смысла. И тогда получается, что обыденная привычка оперировать словами закрывает возможность сущностного понимания, которое разрабатывается наукой.

Слово «социо», как и «социальность», в обычном употреблении трактуется как всегда положительно-продуктивное, моральное, прогрессивное, достойное подражания, взаимодействие людей, ибо оно в таком разрезе всегда связывается с социальной справедливостью. Это — догматическое, не подверженное рассуждению, употребление, которое лишь скрывает, якобы, именно его качественную определен-

ность. По сути, предполагается, что социальное как взаимодействие индивидов всегда происходит по вектору количественного возвышения человеческого, когда говорят о социальной группе, социальном сообществе, социальном государстве. При этом, как правило, не опускаются на более глубинный уровень постижения социальности, т. е. на уровень понимания того, ради чего происходит социальное взаимодействие, что определяет качество или тип социальности. И вот это «ради чего» позволяет задавать и определять качественную направленность социальности как взаимодействия людей: ради блага (для производства атомной станцией электричества) или во зло (для производства атомной бомбы). По сути, здесь речь идет о том, что сама по себе социальность является нейтральной: она может «работать» как во благо, так и во зло. Поэтому без этого качественного критерия определения социальности можно, как обычно и делается, подразумевать только нечто позитивно-прогрессивное. Но это не есть четко обозначенное научное употребление слова «социальность». Наркокартель есть также социальное взаимодействие членов наркокартеля, но это социальное взаимодействие «работает» против человека и Природы. Поэтому давняя обыденная привычка видеть в социальном лишь что-то позитивное, что-то благое есть всего лишь догма и ничего более. В научном плане «социо» — это только взамодействие особей (индивидов), которое само по себе не отражает более глубокого — ценностного уровня жизнедеятельности человека.

В строго научном плане сама социальность предстает как нечто нейтральное, ибо в ней самой еще нет качественной определенности этого взаимодействия. «Социальная обыденность давит на совесть и искажает ее, но никогда не порождает ее и не определяет. Глубина совести заложена в духовной действительности, а не в социальной действительности, и потому только возможна оценка социальной действительности и суд над ней. И потому достижение духовной свободы от власти социальной обыденности есть всегда стоящая перед личностью нравственная задача» [2, с. 205] (выделено мной — Г. З.).

Поэтому мир социальной обыденности (взаимодействий индивидуумов) должен оплодотворяться совестью во благо человека, что возможно только в случае, когда во взаимодействие вступают личности. В этом плане обыденная социальность уже предстает общностью, единением духовным, а не просто социальным взаимодействи-

ем. «Подлинная общность — преодоление разрыва и раздвоения между двумя планами — духовным и социальным, в ней духовность делается социальной и социальность делается духовной. А это значит, что в общности преодолевается одиночество не через подчинение личности обществу, как части целому, а через победу духовного мира над миром природно-социальным, т. е. через достижение духовной социальности, которая излучается личностью, а не подавляет личность» [2, с. 206].

Отсюда следует, что социальность обыденная фиксирует лишь поверхностное видение взаимодействий людей, которое само по себе еще не позволяет видеть то, ради чего — блага или зла — происходит взаимодействие. Но углубление постижения социальности выводит сознание на новый уровень миропонимания, где уже как бы вступает в свои права духовность, которая ценностно оплодотворяет социальность, делает ее духовной, но субъектом этого оплодотворения является целостная личность.

Слово «гуманизм» также по привычке, обычно употребляется в позитивно-прогрессивном плане. Сегодня человек приветствует гуманизм потому, что не знает его истинного смысла, значения. Ему постоянно на протяжении веков манипулятивно вменяется, что гуманизм — это хорошо, он соотносится с человеческим. Однако это совершенно не так, ибо необходимо знать историю возникновения гуманизма, суть гуманистического учения, основания гуманистической науки. Если в этом разобраться, то оказывается, что гуманизм — это крайне одностороннее учение, которое направлено на то, чтобы человек не рассматривался как целостный, полный человек, как личность, в которой и отражается целостный человек. По сути, гуманизм — это учение об обрезанном, одномерном человеке, ибо это учение не признает в человеке души и внутреннего духового мира, руководствуется догмой о диалектической — биосоциальной сущности человека. Гуманизм не исходит из того, что человек — это, прежде всего, дух. Гуманизм не признает, что сущность человека именно и проявляется, и реализуется в духовном мире, из которого уже затем объективируются идеи, знания, проекты в физико-предметном, материальном мире. Об этом еще в середине XVII века писал ученый-естествоиспытатель и мистик Э. Сведенборг, четко указав, что «все, что является в Мире Натуральном, заимствует причину свою из Мира Духовного» [3, с. 529].

Чрезвычайно важно помнить и понимать, что гуманизм — это одна из основных некритически воспринимаемых догм умерщвляющего всё живое диалектического материализма, ибо, по сути, «гуманизм начался с отвержения внутреннего духовного мира человека», а потому он изначально был профанным гуманизмом с присущим ему утопизмом. Гуманизм «с течением времени все больше становился, вопреки своему сознательному умыслу, слепой псевдорелигиозной верой» [4, с. 43]. Если отвергается внутренний духовный мир в человеке, то возникает закономерный вопрос: а о человеке ли собственно идет речь в гуманизме?

Глубоко и всесторонне суть гуманизма исследовал Н. А. Бердяев. Он весьма убедительно показал, что «творчество Достоевского означает не только кризис, но и крушение гуманизма, внутреннее его изобличение… После Достоевского и Ницше невозможен уже возврат к старому рационалистическому гуманизму, гуманизм превзойден… Дальше лежит путь или к Богочеловеку или к сверхчеловеку, человекобогу»; «…последние пределы гуманистического своеволия и самоутверждения — гибель человека в сверхчеловеке. В сверхчеловеке не сохраняется человек, он преодолевается, как стыд и позор, как бессилие и ничтожество. Человек есть лишь средство для явления сверхчеловека. Сверхчеловек есть кумир, идол, перед которым падает ниц человек, который пожирает человека и все человеческое» [5, с. 417] .

В принципе, еще раз о сути гуманизма напомнил американский исследователь А. Ральф Эпперсон в своей книге «Невидимая рука: Взгляд на историю как на заговор» (изданной в США в 1995 г.) в главе «Гуманизм», где писал: «Одной из причин печального состояния «науки», известной как образование, является постепенное введение в школьную программу религиозной философии под названием «мирской гуманизм», но «религии без Бога, божественных открытий и священных писаний». «Второй «Гуманистический манифест», опубликованный через 40 лет после первого манифеста, в основном повторял его идеи, но теперь гуманисты призывали к «построению мировой общины», основанной на «развитии системы мирового закона и мирового порядка при правлении мирового правительства» [6, с. 383, 388, 389].

Однако, сегодня всячески восхваляющие гуманизм, не хотят видеть его античеловечной сути, не хотят окунуться в истоки, проникнуть в глубинную сущность и продолжают примитивно-поверхностно ман-

трировать, что, дескать, нельзя обращаться «с гуманитаризмом либо как с анахронизмом, либо как с некой остаточной вынужденностью, либо, что особенно тревожно, как с объектом своего чуть ли не трансгрессивного, а следовательно, и смертельного воздействия, замещая гуманитаризм разного рода технологизмом, в том числе и социальным, личностным, поведенческим». (Правда, что такое новорожденный симулякр «технологизм личностный» автор не раскрывает, видимо, чувствуя явный перебор в своем увлечении технологизмом-гуманитаризмом). Ибо «общество, которое не культивирует свой собственный, ответственный, позитивный, конструктивный, уж извините — человеческий, гуманитаризм, неизбежно деградирует, энтропирует и исчезает». И после такого провидческого прозрения истые нынешние гуманитаристы всячески весьма приказно-повелительно самовозбуждаются: «Не желаешь поддерживать собственный (российский — Г. З.) гуманитаризм и своих гуманитариев — изчезни! (и никак не меньше! — Г. З.) — причем по своей же воле исчезни, не говоря уже о глупости головы и лености сердца» и, по-видимому, как закономерно следует, и об отсутствия совести. Гуманитаристы, признавая, что «разумеется, легче всего заговорить о гуманитарной апокалиптике, ее нынешнем всплеске, о конце гуманизм, закате Просвещения, о кризисе человека, культуры, того же Слова, о дурном влиянии технологизма и менеджеризма, той же цифровизации» (смешали в одну кучу всё весьма разнородное: на то и гуманитарная апокалиптика!), уничижающе заклинают: «обойдемся тут без такого рода недостойных-де цивилизованных гуманитариев пророчеств!» [7, с. 14, 15, 16, 17]. Навешивание ярлыков достойными-де цивилизованными гуманитариями — это теперь, видимо, новомодное, но, ранее хорошо скрываемое, закономерно-неизбежное их конечное действие, когда уже нечем разумно аргументировать в открытой дискуссии!

Но вернемся, однако, к более глубинным рассуждениям о социогуманизме и его искажающем содержании в мировидении, прежде всего в русле целостного человекознания. В самом начале следует признать, что «следуя диадной парадигме, человечество «заблудилось». Ею «оправдываются» войны, классовая борьба, революции, колониализм, социальное неравенство, безмерная конкуренция и прочие язвы несовершенного человечества», необходима смена траектории развития, одним из оснований которого является триадная парадигма, триалектика [1].

Следуя догмам диалектики, которая на деле умерщвляет все живое целостное, разрывая все на две противоположные стороны, человечество не просто заблудилось, оно вошло в нисходящую ветвь глобального кризисного апокалиптического деградирующего функционирования, которое с большой скоростью становится расчеловечиванием. И самый большой вред человечеству нанесла многовековая догма о диалектической — био-социальной сущности человека, ибо она всегда полностью игнорировала наличие у человека божественного духовного начала, не признавала единую триипостасную — духовно-био-социальную природу человека. В этом весьма преуспел марксизм с его методом материалистической диалектики.

По сути, из диалектического миропонимания вышел и социогуманизм, ибо, следуя вышеуказанным рассуждениям, здесь соционейтральность сопрягается с гуманистически-бездуховным человеком, который на поверку является получеловеком, не полным человеком, ибо он в гуманистическом формате предстоит без души и внутреннего духовного мира. Это одностороннее сопряжение, которое пытаются назвать синтезом, не приводит к целостному человеку и не может обеспечивать гармонию в его жизнедеятельности. Поэтому определять триалектику через «рождения «нового» (третьего)», которое является гармоническим синтезом разрешающихся противоположностей (когда «все в меру»)» вряд ли целесообразно. Хотя, в определенной мере можно согласиться с тем, что «триалектика является более продвинутым знанием по сравнению с диалектикой, поскольку она дополнительно, по сравнению с диалектикой, описывает феномены компромисса и гармонии. Диалектика снимается триалектикой» [1]. Но возникает сущностный вопрос: что значит «снимается»? Получается не совсем приемлемая и вразумительная картина: явление живой жизни разрывается на две противоположные стороны, по сути, стороны умерщвляются, а потом пытаются говорить о неком синтезе — соединении сторон в чем-то будто бы ожившем. Но, как писал, И.-В. Гёте:

Во всём подслушать жизнь стремясь,
Спешат явленья обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.

И здесь мы начинаем по-новому осознавать вековую догму о синтезе, ибо никакой синтез не может одушевить нарушенную, разорванную одушевляющую связь. По сути, исходя из признания некоего синтеза, мы просто предаемся искусственно-порожним рассуждениям, которые не могут раскрыть одушевляющую связь, которая действительно свойственна реальности, в том числе и человеческо-человечной. В этом случае триалектика видится как чисто механическое прибавление единицы к двум — две стороны плюс еще одна: «рождения «нового» (третьего)». Но ее истинное понимание состоит не в механистичности «вырастания» третьего из двух, а в том, что все эти три являются, «воспроизводятся» из единого начала, которое, представляя собой одушевляющую связь, в этом процессе принимает разные формы. В таком понимании можно говорить и о полилектике, которая органично «надстраивается» над триалектикой, но без или вне триалектики и полилектика будет непонятна как органическое. Полилектика в таком случае будет выглядеть как суммативно-количественное познание-представление.

Поэтому мы, описывая триалектику как истинный метод постижения целостной реальности, аргументировали, что в триалектике главное место отводится этой одушевляющей связи, без понимания которой диалектический разрыв на две стороны лишь умерщвляет живую реальность. Одушевляющая связь — это Дух, а потому в человекознании и триалектическом миропонимании на первый план выходит постижение духа, духовной сущности человека. «Духовное сущее — это духовно существующее, это сознающее бытие, оно соприсутствует иному сущему, сознавая иное сущее. Таким образом, духовное сущее реализует себя в соприсутствии, и это соприсутствие духовного сущего является его исконной способностью, его собственным первейшим достоянием» [8, с. 95].

Триалектика исходит из того, что «именно дух, духовность выступает всепроникающим «клеем», связывающим биологический (материально-физико-химический) и социальный (взаимодействие индивидов) миры-стороны единой реальности. Но в то же время такой «клей» «созидает» и истинно человечную всеприникающую духовную сторону-основание единой реальности в аспекте свободы-ответственности, которая присуща только лишь человеку как творческому субъекту сознательной деятельности» [9, с. 21]. Понятие «духовный

«клей»», введенное нами при раскрытии содержания триалектики, именно и позволяет зафиксировать соприсутствие духовного сущего иному сущему, о чем и писал В. Франкл.

Специфика триалектики состоит в том, что все явления и процессы действительности взаимосвязаны, взаимопроникающи, реализуются в невидимом, сущностном единстве, на которое не обращает внимания диалектика. В триалектике заключено фундаментальное основание-всепроникновение реальности-действительности благодаря духу, который все не только соединяет-скрепляет-пронизывает, но и направляет к единству-гармонии как основоположному качеству мира. Поэтому, размышляя в формате диалектики, тем более традиционно-обыденной — материалистической, в этом одностороннем формате места и роли духу не находится, что кардинально искажает саму реальность в диалектическом представлении. Дух — это живой, жизнетворящий «всеприникающий клей», без понимания которого жизнь диалектически разрывается, обедняется, расчеловечивается, оборачивается неизбежной катастрофичностью.

Триалектика исходит из того, что именно исходная целостность реальности, ее синкретичность (вначале было Слово) развертываясь на более поверхностном уровне постижения мира посредством анализа диалектических противоположностей, позволяет в ходе познания сохранять живую действительность, не разрывая и не умерщвляя ее, как это свойственно диалектике. Триалектика открывает иной взгляд и иное понимание противоположностей как внутренних моментов процессирующей живой действительности, когда противоположности не разделяются, но и не сливаются, а постоянно взаимообогащаются новым содержанием в Целом. Единоречие, исходящее из сакральных смыслов-ипостасей реальности и развертывающееся в многообразии процессов действительности, является основанием триалектического постижения целостного мира и целостного человека, его хозяйства как целостной сферы жизнеотправления.

Все это, на мой взгляд, доказательно свидетельствует о совершенной недостаточности концепта социогуманизма. В его упрощенно-искажающем реальность понимании, во-первых, заключено неведение и непризнание того, что нейтральность выступает сутью самой социальности; во-вторых, бездуховный гуманизм не может задать желаемому иначе возможному развитию требование и принцип реализации

человечности, которая выражает исходную потенциально заданную Богом специфику божественной природы человека; в-третьих, не раскрывает глубинного истинного смысла триалектического постижения целостной реальности и целостного человека. Все это должно быть кардинально переосмыслено в формате новой постнеклассической человекомерной науки.

Именно чело-век-о-мер(а)-ной, ибо в силу вышерассмотренных причин выживание человека/человечества не может быть обеспечено традиционно понимаемыми гуманитарной и социальной науками, ибо они насквозь поверхностно-схематичны, догматичны и исходно кризисно ориентированные. Они искажают реальность и природу человека, не могут разработать и предложить спасительную стратегию и конкретный возрожденческий сценарий выхода из кризиса, обеспечить посткризисное развитие как на национальном, так и на глобальном уровнях хозяйствования. И это вовсе не удивительно, ибо «современная наука и религия демонстрируют неспособность выйти из порочного круга своей практики в добыче знаний о действительной природе человека» [10].

Но человечество пытается ныне очередной раз наступить на грабли традиционной социо-гуманитарной науки, ибо вновь, не понимая того, что современный глобальный кризис есть порождение именно указанной науки и соответствующего ей ныне господствующего мировоззрения, упорно социо-гуманитарить. Ученые гуманитарии при определении возможного будущего вновь призывают ссылаться на «каноны и постулаты мировой социо-гуманитарной науки, как единственного чистого родника здраво-мыслия и подлинной человеческой морали». Заявляют о том, что пока эти постулаты «не станут главенствующими и определяющими первоначалами ответственных помыслов и деяний политических и общественных лидеров всех уровней и званий» [11, с. 13], никакого светлого будущего не предвидится.

Пора бы, наконец, начать понимать, что нельзя выйти из кризисной ситуации при помощи тех же методов и способов, которые породили и продолжают углублять и расширять мировой античеловеческий кризис. В этом плане развернувшаяся пандемия коронавириса показывает человеку, воспитанному в социо-гуманистическом русле, что следует остановиться и по-новому более сущностно переосмыслить

свою жизнедеятельность, которая стала вредоносной для Природы и для него самого. Изначально, образно говоря, человеку была предписана роль мудрого садовника Творения, для этого ему Господь вдунул дух и дал разум. Но современный всё-ещё-человек никак не может понять, что он предначально оплодотворяется-сотворяется как духовное существо, а потому-то в своем непонимании своей божественной природы он в истории развития человечества отошел от разума, выпятил интеллект.

Важно понимать, что «с того времени, когда разум превратился в инструмент господства человека над человеческой и внечеловеческой природой (т. е. с самого рождения), он постоянно терпел неудачу в своем стремлении познать истину» [12, с. 201]. Суть движения неудачи разума, который превратился в инструмент господства человека, сначала свелась к интеллекту, затем он начал превращаться сначала в инвалидный интеллект (В. П. Зинченко), а ныне — в суицидный интеллект (Ю. М. Осипов). Это ниспадающее движение разума привело к тому, что интеллект исключил возможность создания истинной онтологии, так как «принципы, открываемые человеком в себе путем размышления, освобождающие истины, которые он пытается найти, не могут быть принципами общества или вселенной, ибо ни один из них не был создан как образ человека» [12, с. 207], образ целостного человека. Поэтому приходится с большим сожалением и разочарованием констатировать, что «остается непонятным, как может развиваться современная, научно ориентированная культура, если сама наука (прежде всего выхолощенная бездуховная гуманитарная — Г. З.) наука не имеет научной теории личности, пользующейся хоть каким-то признанием. Незнание человека — это, может быть, наиболее сильное незнание в современной науке» [13, с. 220]. И эта изначально бездуховная природа гуманитарной науки никогда не сможет целостно описать человека-личность. В этой связи необходимо признать, что «хотим мы того или нет, оба эти знания — научное и внутреннее (ныне пока — ненаучное, духовное — Г. З.) — на самом деле являются нераздельными составляющими нашей культуры, поэтому хочется их не противопоставлять, сколько объединять в мировоззренческом порыве, хотя, может быть, это и будет кого-то раздражать» [13, с. 27].

Свой суицидный интеллект нынешний человек развивает в предметном поле безответственного развертывания НБИК-конвергенции, создавая реальные условия для стирания грани между живым и неживым, для замены человека киборгом (в обратном прочтении — гробик!) — неким техносным сверх(пост)человеком с присущим ему самовоспроизводящимся искусственным интеллектом на небиологическом, а голографическом субстрате-носителе. Сможет ли социогуманизм остановить эту суицидную для человека замену? — вопрос не только судьбоносный для человечества, но и имеющий отрицательный ответ даже, если к процессу описания НБИК-конвергенции механически добавить, как это сегодня делают философы-гуманисты, С — социогуманитарные технологии (НБИКС).

Польский писатель С. Лец как-то написал: «У человека нет выбора: он должен оставаться человеком!». Тем самым он подчеркнул, что неолиберальные мантры «свобода», «выбор» не решают и не могут решить судьбу человека/человечества, ибо Чело-Век не просто био-социальное, а прежде всего духовное существо, его предначальная духовная ипостась как раз и задает ему Чело-Вечность, которая отличает человека от всех иных живых видов и родов. Но искажающая реальность традиционная социогуманитарная наука и слышать не хочет о духовной ипостаси человека, а он, по сути внутренне оскобленный такой бездуховной наукой, не понимает того, о чем писали религиозные философы Серебряного века, и что в середине XX века после окончания Второй мировой войны констатировал французский писатель Жорж Бернанос: человечество больно и лечить больное человечество надо посредством духовности: «Первая и неотложная задача — вернуть человеку духовность… ради этой цели пора, давно пора во что бы то ни стало и как можно скорее мобилизовать все силы Духа» [14, с. 147, 131].

Во второй части статьи будет описаны методологические основания для преодоления выше указанной неспособности социогуманитарной науки выйти из порочного круга своей практики в добыче знаний о действительной природе человека, для чего необходимо срочно кардинально изменять формат научных исследований, формировать новую человекомерную парадигму науки XXI века — парадигму выживания человека/человечества, пока ещё есть некоторое весьма недлительное время.

Литература

1. Голубев В. С. В науке: один против всех — все против одного…или молчание // http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005d/00012285.htm
2. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. — М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999.
3. Сведенборг Э. О Небесах, о Мире духов и об Аде. Мудрость Ангельская о Божественной Любви и Божественной Мудрости. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2003.
4. Франк С. Свет во тьме. — М.: Изд-во «Факториал», 1998.
5. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. — М.: АСТ: Астрель, 2011.
6. Эпперсон А. Ральф. Невидимая рука: Взгляд на историю как на заговор. — Киев: ООО «Издательство Арата», 2010. — С. 383, 388, 389.
7. Осипов Ю. М. Гуманитарное знание как национальное достояние // Философия хозяйства, 2020, № 2.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. — М.: Прогресс, 1990.
9. Задорожный Г. В., Колинько О. Г. Личностный архетип «свобода–ответственность» как истинное основание хозяйства и исток спасения человечества в XXI веке // Социальная экономика, 2013, № 2–3.
10. Никифоров А. С. «Камни преткновения» для науки в философии П. А. Флоренского // http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001g/00164089.htm
11. Духовно-интеллектуальное воспитание и обучение молодежи в XXI веке: международная коллективная монография / Под общ. ред. проф. В. П. Бабича, проф. Л. С. Рыбалко. — Харьков: Изд. ВННОО, 2019.
12. Хоркхаймер Макс. Затмение разума. К критике инструментального разума. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
13. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. — М.: Академический проект; Парадигма, 2011.
14. Бернанос Жорж. Свобода… для чего? — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.